

БАНКРОТСТВО КАК ВЫЗОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Надежда Алексеевна ЛЬВОВА^{a*}, Георгий Владимирович КАЛЬВАРСКИЙ^b

^a кандидат экономических наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
n.lvova@spbu.ru

^b кандидат экономических наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
kalvarky@spbu.ru

* Ответственный автор

История статьи:

Принята 07.10.2015
Одобрена 22.10.2015

УДК 351.862.6; 658.14/.17
JEL: G33, H12, K20, K42

Аннотация

Предмет. Статья посвящена особенностям корпоративного банкротства в контексте экономической безопасности бизнеса. Основное внимание в этом отношении уделяется отечественной практике, характеризующейся многочисленными угрозами и рисками, природа которых зачастую не соответствует цивилизованным условиям ведения предпринимательской деятельности.

Цели. Критическое переосмысление эволюции российского института несостоятельности и определяющих ее факторов с позиции проблем обеспечения экономической безопасности бизнеса, в том числе во взаимосвязи с угрозой криминальных банкротств, широко применяемых в целях захвата собственности.

Методология. Методология исследования основана на принципе приоритетного значения институциональных изменений в социально-экономическом развитии. Таким образом, институциональный климат рассматривается как один из ключевых факторов, определяющих этапы развития и специфику российского института несостоятельности.

Результаты. Показано, что этапы эволюции российского института несостоятельности представлены в двух основных проекциях: законодательной и правоприменительной. Обосновано, что на протяжении всей новейшей истории отечественный институт несостоятельности функционирует неэффективно, выполняя преимущественно несвойственные ему функции. Высокий уровень криминализации сферы корпоративных банкротств в сочетании с коррупционной составляющей деструктивно отражаются на экономической безопасности хозяйствующих субъектов, деформируя рыночные механизмы ликвидации и реабилитации бизнеса. Показана неоднозначная роль государства, поддерживающего неэффективную траекторию развития института несостоятельности, в частности, в интересах отдельных влиятельных групп общества.

Выводы. Неэффективное функционирование института несостоятельности является серьезной угрозой для экономической безопасности российского бизнеса, нарушая интересы добросовестных участников хозяйственного оборота и требуя незамедлительных действий по преодолению данной ситуации. Необходимо дальнейшее развитие законодательства о банкротстве с ориентацией на текущую ситуацию и ведущую международную практику, совершенствование системы противодействия криминальным банкротствам, повышение уровня методического обеспечения арбитражного управления.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, корпоративное банкротство, криминальное банкротство, экономическая безопасность

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Банкротство является одним из наиболее серьезных вызовов для экономической безопасности бизнеса. Признаки неблагополучия в деятельности компании критически расцениваются рынком зачастую задолго до фактического признания ее несостоятельности. Неблагоприятная динамика ключевых индикаторов финансово-экономического состояния, в том числе неудовлетворительный уровень рыночной стоимости собственного капитала, приводит к тому, что компания становится привлекательным объектом для рейдерских захватов, возрастают риски оппортунистического поведения менеджеров и

контрагентов, сокращается запас прочности в отношении критического объема продаж, спектр доступных источников финансирования и выгодных инвестиционных возможностей. Дальнейшее ухудшение ситуации обуславливает целесообразность ликвидации бизнеса, которая в условиях неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества должника осуществляется с применением процедур банкротства. Современный институт несостоятельности не ограничивается задачей ликвидации неэффективных компаний, обеспечивая возможность реабилитации жизнеспособного бизнеса. Однако отдельные

системы несостоятельности функционируют крайне неэффективно. Особенно остро данная проблема касается стран с формирующимися рынками, характеризующихся слабым уровнем защиты прав собственности.

В своем исследовании мы обратились к особенностям банкротства российских предприятий в контексте экономической безопасности бизнеса. Отдельные аспекты данной проблематики достаточно подробно раскрыты в литературе. Обширная критика во многом связана с тем, что реабилитационные механизмы корпоративного банкротства в России практически не работают¹. Это обстоятельство с очевидностью подтверждается статистикой: доля успешных реабилитационных процедур находится на уровне статистической погрешности². Признание компании банкротом нарушает интересы многих лиц, неизбежно вовлекая в сферу несостоятельности других хозяйствующих субъектов³ и, в свою очередь, несет угрозу их экономической безопасности. Если при этом компания является крупной, экономической или социально значимой, угроза экономической безопасности становится более масштабной, переходит на отраслевой, региональный, а в некоторых случаях и на общенациональный уровень, сопровождаясь эффектом эпидемии неплатежей и требуя прямого антикризисного регулирования⁴.

¹ Кован С.Е. Проблемы развития реабилитационного потенциала института банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2014. № 2. С. 64–75; Кован С.Е., Коцюба Н.В., Ряховская А.Н. Системные проблемы банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2014. № 4. С. 56–63; Чернова М.В. Механизмы защиты интересов должника и кредиторов в процедурах банкротства // Финансы и кредит. 2012. № 21. С. 37–43; Егоров В.Н., Чернова М.В. Концепция антикризисного управления промышленным предприятием в процедурах банкротства // Финансы и кредит. 2013. № 24. С. 58–67; Кочетков Е.П. Система управления финансово-экономической устойчивостью бизнеса: механизмы поддержания и восстановления (институциональный аспект) // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 7. С. 31–42.

² Рассмотрение дел о несостоятельности (банкротстве) в 2010–2013 гг. URL: http://arbitr.ru/_upimg/A0397A1AFD76C6B4E3082E213B98BB5D_11.pdf

³ Согласно некоторым экспертным оценкам, ежегодно в России с проблемой банкротства сталкивается около 10% хозяйствующих субъектов, в том числе в качестве контрагентов несостоятельных должников. См.: Кован С.Е., Коцюба Н.В., Ряховская А.Н. Системные проблемы банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2014. № 4. С. 56–63.

⁴ Кочетков Е.П. Формирование механизма и методики разработки плана восстановления платежеспособности организации как фактор повышения эффективности

Тем не менее рассматривать смысл института банкротства исключительно с позиций инструмента сохранения бизнеса, безусловно, было бы неправильно. И здесь вновь можно обратиться к статистике, согласно которой в среднем 1/3 российских организаций из года в год убыточна, что свидетельствует не только о наличии информационной асимметрии, в том числе о намеренном искажении результатов финансово-хозяйственной деятельности, но и о функционировании неконкурентоспособных хозяйствующих субъектов⁵. В то же время неэффективность ликвидационных механизмов влечет не менее серьезную экономическую опасность для контрагентов несостоятельного должника, чем невозможность вовремя воспользоваться защитой бизнеса в процедурах банкротства. В связи с этим уместно отметить проблему злоупотреблений в сфере несостоятельности, в исследовании которой в значительной степени преобладают правовые воззрения⁶.

Учитывая сказанное, проанализируем эволюцию института банкротства российских предприятий и

функционирования института банкротства в России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 17. С. 11–26.

⁵ Примечательно, что в последние годы наблюдается устойчивое увеличение доли просроченной задолженности российских предприятий, что, по мнению некоторых авторов, свидетельствует, прежде всего, о неэффективности существующей модели хозяйствования. Неудовлетворительное финансовое состояние наблюдается в отношении большинства компаний реального сектора экономики. См.: Кован С.Е. Анализ базовых факторов риска банкротства российских организаций реального сектора экономики // Стратегии бизнеса. 2014. № 6. С. 2–11; Кочетков Е.П., Шевеленко М.В. Мониторинг факторов стратегического развития организации с целью предупреждения ее банкротства // Стратегии бизнеса. 2014. № 6. С. 12–18.

⁶ Примечательно, что данная ситуация касается не только тех исследований, которые посвящены правовым аспектам проблематики, но и отчетливо прослеживается в публикациях, принадлежащих представителям экономической науки. См.: Кочетков Е.П., Шевеленко М.В. Мониторинг факторов стратегического развития организации с целью предупреждения ее банкротства // Стратегии бизнеса. 2014. № 6. С. 12–18; Лопашенко Н.А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. №4 (14). С. 36–44; Демин В. Заказные убийства предприятий: передел собственности в особо крупных размерах // Безопасность. Достоверность. Информация. 1999. № 4. С. 6–8; Карпусь Н.П., Зайнуллин С.Б. Основные стратегии враждебных слияний и поглощения и особенности их применения в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 13. С. 55–61.

определяющие ее факторы, в том числе во взаимосвязи с проблемой криминальных банкротств как одной из специфических угроз экономической безопасности бизнеса в условиях формирующейся экономики.

Первый закон о банкротстве в новейшей истории России был принят в 1992 г.⁷ (далее – Закон 1992 г.). При его разработке законодатели ориентировались на конкурсное законодательство США, адаптируя его с «нововведениями», свидетельствующими о явном недопонимании сущности корпоративного банкротства, что было вполне закономерно в условиях стремительного перехода к новым условиям хозяйствования. Одним из наиболее существенных недостатков закона, значительно затруднившим его применение на практике, был выбор в качестве основного признака несостоятельности предприятий критерия неоплатности (недостаточности имущества). В результате недобросовестные должники имели возможность годами не исполнять долговые обязательства, поддерживая необходимый уровень балансовой стоимости активов по отношению к имеющейся задолженности. Известны случаи, когда должник погашал строго определенную часть задолженности – как раз такую, чтобы оставшаяся часть не превышала размера имущества. Признать неплатежеспособную компанию банкротом было невозможно даже в очевидных случаях злоупотребления подобной ситуацией. Разрешение подобных хозяйственных споров оказалось за рамками правового поля. Сфера несостоятельности криминализировалась: урегулирование просроченной задолженности зачастую осуществлялось с привлечением организованных преступных группировок.

Отметим, что в Законе 1992 г. была затронута проблема криминальных банкротств. В частности, были определены понятия умышленного и фиктивного банкротства⁸. Так, в случае обнаружения признаков умышленного банкротства должника прокурор был вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о возбуждении производства по делу о несостоятельности (банкротстве) предприятия. Кроме того, конкурсный управляющий имел право оспаривать в арбитражном суде действия должника по досрочному удовлетворению требований отдельных кредиторов по ранее возникшим

обязательствам, если эти действия были совершены должником с намерением причинить ущерб другим кредиторам, и кредиторы, в пользу которых были совершены указанные действия, знали о таком намерении должника.

До завершения конкурсного производства каждый кредитор был вправе предложить конкурсному управляющему оспорить указанные действия должника в арбитражном суде, а в случае отказа мог подать соответствующее заявление в арбитражный суд от своего имени. В целом, однако, институт банкротства на данном этапе практически не функционировал, а финансовая несостоятельность предприятия представляла исключительно высокую угрозу его экономической безопасности, являясь в то же время существенной проблемой для стейкхолдеров.

Некоторое изменение ситуации в сфере корпоративных банкротств намечилось с 1994 г., в том числе в связи с введением в действие официальных методических рекомендаций по оценке финансового состояния неплатежеспособных предприятий⁹. Данная методика обеспечила возможность более широкого применения критерия неоплатности при наличии так называемой «неудовлетворительной структуры баланса». Вместе с тем требования к структуре баланса были столь жесткими, что большинство российских предприятий им не соответствовало. Следовательно, государство получило инструмент избирательного воздействия на коммерческие организации, требующий искусственных стимулов правоприменения, природа которых, как правило, носит «коррупциогенный» характер¹⁰.

С позиции законодателя заведомо нереалистичные требования к финансовому состоянию хозяйствующих субъектов были оправданы задачами антикризисного регулирования в условиях дефицита власти над государственными предприятиями, который крайне негативно сказался как на собираемости налогов, так и на темпах приватизации¹¹. Изначально

⁷ О несостоятельности (банкротстве) предприятий: Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1.

⁸ Преамбула Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 19.11.1992 № 3929-1.

⁹ О некоторых мерах по реализации законодательства о банкротстве: постановление Правительства РФ от 20.05.1994 № 498.

¹⁰ Подробнее об искусственных стимулах правоприменения в контексте проблемы противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности см. [1].

¹¹ По мнению идеологов концепции «неудовлетворительной структуры баланса», дефицит контроля над государственными предприятиями стал результатом стихийной практики разгосударствования, характерной для раннего этапа приватизации (в том числе юридически непродуманная передача в собственность предприятий имеющегося на их

предполагалось, что для оценки финансового состояния неплатежеспособных должников будет создан орган независимой экспертизы¹². До этого момента решение о возможности восстановления платежеспособности должника принимало Федеральное управление по делам о несостоятельности (банкротстве) при Государственном комитете РФ по управлению государственным имуществом (ФУДИ)¹³. К исключительной компетенции ФУДИ относился финансовый анализ федеральных государственных предприятий, а также предприятий, доля РФ в капитале которых составляла более 25%¹⁴. Впрочем, орган независимой экспертизы так и не был создан. Именно поэтому ФУДИ занималось подготовкой заключений в отношении предприятий любых форм собственности. Что касается криминальных банкротств, то с принятием в 1996 г. Уголовного кодекса РФ¹⁵ данная проблема стала рассматриваться в контексте расследования экономических преступлений.

К 1998 г. году сложилась некоторая арбитражная практика по банкротству предприятий, сформировалась система подготовки арбитражных управляющих, были определены основные направления по дальнейшему развитию соответствующего законодательства. В то же время цивилизованный институт корпоративного банкротства по-прежнему фактически отсутствовал, а урегулирование задолженности несостоятельных должников происходило преимущественно в теневом секторе экономики. Некоторое исключение составляли государственные предприятия, к которым при наличии должной заинтересованности применялись адресные меры антикризисного регулирования.

Начало следующего этапа в развитии российского института банкротства было обусловлено принятием второго закона о банкротстве¹⁶ (далее – Закон 1998 г.), который вступил в силу с 1 марта 1998 г. Принципиальным отличием нового закона стало введение критерия неплатежеспособности

балансе имущества, отказ от централизованного планирования, резкое сокращение числа отраслевых министерств, введение выборности трудовыми коллективами директоров предприятия). Примечательно, что признание структуры баланса государственного предприятия неудовлетворительной являлось основанием для смены руководства и назначения подконтрольного ФУДИ арбитражного управляющего (Указ Президента РФ от 24.05.1994 № 1002).

¹² Пункт 5 постановления «О некоторых мерах по реализации законодательства о банкротстве» от 20.05.1994 № 498.

(потока денежных средств) в качестве основного признака несостоятельности организаций, что соответствовало ведущей международной практике. Признание неплатежеспособности достаточным основанием банкротства предприятий отвечает принципу недопустимости хозяйственной деятельности при наличии просроченной задолженности. Если должник при угрозе банкротства не способен изыскать средства для удовлетворения долговых требований, то он не в состоянии функционировать в рыночных условиях. Более того, его деятельность может нанести ущерб интересам стейкхолдеров. Применение критерия неплатежеспособности позволило активизировать ликвидационный потенциал института несостоятельности, но вместе с тем усугубило проблемы экономической безопасности российских предприятий.

Банкротство предприятия-цели стало одним из наиболее популярных методов враждебных поглощений, что обусловило существенную специфику российского рынка корпоративного контроля¹⁷ [1]. Использование института несостоятельности в целях передела собственности соответствовало интересам крупного бизнеса, пересматривающего итоги приватизации, зачастую осуществляясь при явном попустительстве органов исполнительной власти [2]. Примечательно, что дела о банкротстве,

¹³ Впоследствии ФУДИ было реорганизовано и получило название Федеральной службы России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению – ФСДН (Положение о Федеральной службе России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению: утв. пост. Правительства РФ от 01.07.1998 № 537), а затем Федеральной службы России по финансовому оздоровлению и банкротству – ФСФО (Положение о Федеральной службе России по финансовому оздоровлению и банкротству: утв. пост. Правительства РФ от 04.04.2000 № 301).

¹⁴ В частности, были разработаны дополнительные Методические положения по оценке финансового состояния предприятий и установлению неудовлетворительной структуры баланса, утв. расп. Федерального управления по делам о несостоятельности (банкротстве) от 12.08.1994 № 31-р.

¹⁵ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

¹⁶ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ.

¹⁷ Демин В. Заказные убийства предприятий: передел собственности в особо крупных размерах // Безопасность. Достоверность. Информация. 1999. № 4. С. 6–8; Картусь Н.П., Зайнуллин С.Б. Основные стратегии враждебных слияний и поглощения и особенности их применения в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 13. С. 55–61; Сограина Н.С. Теоретическая модель противодействия недружественным поглощениям (рейдерству) в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 17. С. 66–74.

как правило, возбуждались в отношении инвестиционно привлекательных компаний, тогда как заведомо безнадежные должники продолжали свое существование [3]. Таким образом, процедуры банкротства вводились избирательно и во многих случаях оканчивались ликвидацией жизнеспособного бизнеса. Реабилитационные механизмы за редким исключением не действовали. Случаи восстановления платежеспособности по итогам внешнего управления носили весьма немногочисленный характер, мировые соглашения заключались крайне редко. Одной из причин подобной ситуации являлось неэффективное, а зачастую заведомо недобросовестное арбитражное управление¹⁸.

На данный период пришелся пик криминальных банкротств, прежде всего преднамеренных¹⁹ [4]. Сформировался целый сегмент рейдерских компаний, специализирующихся на заказном банкротстве [1, 4]. Согласно Закону 1998 г., диагностика преднамеренного и фиктивного банкротства вменялась в обязанности временного управляющего²⁰, а также по запросу суда общей юрисдикции, арбитражного суда, прокуратуры или иного уполномоченного органа – в функции Федеральной службы по финансовому оздоровлению и банкротству РФ²¹ (ФСФО России). В соответствии с данным положением специалистами ФСФО России была разработана единая методика²², недостаточно, впрочем, гармонизированная с Уголовным кодексом, что создавало дополнительные сложности при выявлении признаков соответствующих преступлений.

Очевидно, что успешное расследование криминальных банкротств практически невозможно без привлечения экспертов, в том числе аудиторов и оценщиков. Вместе с тем взаимодействие между представителями экспертного сообщества, регулирующим и правоохранительными органами отлажено не было.

¹⁸ Деятельность арбитражных судов России в 2000 г. Пресс-релиз Высшего Арбитражного Суда РФ от 19.02.2001.

¹⁹ Кальварский Г.В., Львова Н.А. Финансовая диагностика преднамеренного банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 4. С. 50–59.

²⁰ Пункт 1 ст. 61 Федерального закона РФ от 08.01.1998 №6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

²¹ Пункт 2 ст. 25 Федерального закона РФ от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

²² Методические рекомендации по проведению экспертизы о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства: утв. расп. ФСДН России от 08.10.1999 № 33-р.

Так, представители ФСФО России отмечали в этом отношении следующие наиболее существенные проблемы:

- отсутствовала четкая система взаимодействия арбитражных управляющих, ФСФО России, судов, правоохранительных органов, как по фактам выявления признаков криминального банкротства, так по вопросам предоставления необходимой информации²³;
- не было четко определено, какие лица имеют право обращаться в ФСФО России с запросами о подготовке соответствующих заключений, и может ли данный орган проводить диагностику криминального банкротства по собственной инициативе;
- государственный орган по делам о банкротстве и финансовому оздоровлению не имел статуса эксперта в данном вопросе и, следовательно, его заключения о наличии признаков криминального банкротства предприятия не являлись доказательствами в суде;
- не был определен исключительный перечень лиц, имеющих право на проведение экспертиз по выявлению признаков криминального банкротства, поэтому экспертная деятельность зачастую осуществлялась представителями частных компаний, профессиональный уровень и непредвзятость которых вызывали обоснованные сомнения.
- привлечение экспертов, обладающих необходимой квалификацией для подготовки заключений о наличии признаков криминального банкротства, не предусматривалось бюджетом ФСФО России и не приветствовалось кредиторами.

В результате судебная практика по криминальным банкротствам практически отсутствовала, а злоупотребления в сфере несостоятельности оставались безнаказанными. Банкротство на данном этапе представляло исключительно высокую угрозу экономической безопасности российских предприятий, ухудшая инвестиционный климат и препятствуя эффективному перераспределению капитала, что,

²³ Во многих случаях должник был не заинтересован предоставлять необходимые сведения. В результате и арбитражные управляющие, и специалисты ФСФО России были вынуждены работать в условиях «информационного вакуума»: не было налажено взаимодействие с Министерством по налогам и сборам РФ и Федеральной службой налоговой полиции. Крайне неэффективно велась работа с органами государственной статистики.

в конечном итоге, не могло отвечать интересам легального бизнеса и цели устойчивого экономического роста.

В конце 2002 г. был принят третий по счету и действующий по настоящее время Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»²⁴ (далее – Закон о банкротстве 2002 г.), существенно изменивший модель корпоративного банкротства российских предприятий. Более пристальное внимание стало уделяться интересам должника, что, в частности, отразилось на условиях возбуждения дела о банкротстве. Собственники предприятия стали рассматриваться как полноправные участники дела о банкротстве, получив дополнительную возможность поддержать должника в рамках новой реабилитационной процедуры (финансового оздоровления). Повысились требования к профессиональному уровню и результатам деятельности арбитражных управляющих. Судебный надзор был дополнен контролем со стороны саморегулируемых организаций, соответствуя новой концепции регулирования арбитражной практики²⁵. В 2003 г. были утверждены единые для арбитражных управляющих правила финансового анализа неплатежеспособных предприятий²⁶, а в 2004 г. – временные правила диагностики преднамеренного и фиктивного банкротства²⁷.

За время своего действия Закон о банкротстве 2002 г. претерпел немало существенных изменений, в том числе в конце 2014 г. Однако многие проблемы в сфере корпоративного банкротства по-прежнему не получили конструктивного решения. Так, вопреки ожиданиям законодателей, процедура финансового оздоровления оказалась практически не

востребованной, а интересы должника постепенно стали все более уходить на второй план по отношению к интересам влиятельных кредиторов, прежде всего государства в лице налоговых органов²⁸ [3]. Уместно отметить, что мобилизация административного ресурса в процессах захвата корпоративной собственности является не только одной из «национальных особенностей» рынка слияний и поглощений²⁹, но и характерным признаком отечественной системы несостоятельности.

Отдельную угрозу для экономической безопасности предприятий составляет неэффективный кризис-менеджмент в процедурах банкротства, что во многом связано с низким качеством финансово-экономического обоснования управленческих решений. В связи с этим активно критикуется действующее методическое обеспечение деятельности арбитражных управляющих³⁰. Особые опасения вызывает отток квалифицированных кризис-менеджеров, сопровождающийся повышением уровня коррупционных рисков³¹.

Здесь уместно упомянуть, что еще в 2008 г. по инициативе Министерства экономического развития РФ и Европейского банка реконструкции и развития началась работа по созданию федеральных стандартов деятельности арбитражных управляющих. Одним из важнейших результатов данной работы стал опубликованный в 2012 г. Проект федерального стандарта по анализу финансового состояния должника в процедурах банкротства³², утверждение которого ожидается в обозримой перспективе.

²⁴ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ.

²⁵ К наиболее значимым нововведениям в Законе о банкротстве 2002 г. также относят следующие: предоставление равных прав государству и конкурсным кредиторам, введение дополнительных механизмов защиты добросовестных лиц, вовлеченных в процедуры банкротства, консолидацию положений о банкротстве отдельных категорий должников в едином законе. См. подробнее: *Кальварский Г.В., Львова Н.А.* Финансовая диагностика преднамеренного банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 4. С. 50–59.

²⁶ Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа: утв. пост. Правительства РФ от 25.06.2003 № 367.

²⁷ Временные правила проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: утв. пост. Правительства РФ от 27.12.2004 № 855.

²⁸ *Гареев А.Р.* Повышение эффективности процедур финансового оздоровления российских предприятий // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 2. С. 80–85.

²⁹ *Демин В.* Особенности национальной охоты за чужой собственностью // Безопасность. Достоверность. Информация. 2004. № 5. С. 10–14.

³⁰ *Кован С.Е., Коцюба Н.В., Ряховская А.Н.* Системные проблемы банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2014. № 4. С. 56–63.

³¹ Там же.

³² Проект Федерального Стандарта по анализу финансового состояния должника и результатов его финансовой, хозяйственной и инвестиционной деятельности в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве. URL: http://rsooau.ru/docs/2012/dek_2012/PR_FS_FIN_AN_24_10_2012.rar

Вследствие административной реформы³³ был во многом утрачен опыт регулирования сферы несостоятельности, в том числе по вопросам противодействия криминальному банкротству. Согласно действующему Закону о банкротстве, диагностика криминального банкротства была исключена из функций уполномоченных государственных органов, а выявление признаков преднамеренного и фиктивного банкротства должника вменено в обязанности арбитражных управляющих³⁴. Проблема безнаказанности криминальных банкротств не теряет злободневности³⁵ [5–7], а институт несостоятельности продолжает использоваться в целях перераспределения собственности³⁶. Однако следует признать, что данная проблема остается без должного внимания законодателей. Весьма примечательно, что трактовка преднамеренного банкротства, которая применяется арбитражными управляющими в целях диагностики неплатежеспособных предприятий, не соответствует гармонизированному с 2006 г. определением данного преступления (правонарушения) в Уголовном кодексе и Кодексе об административных правонарушениях³⁷.

В целом отмечается повсеместное нарушение прав хозяйствующих субъектов, вовлекаемых в сферу несостоятельности, связанное с фактической невозможностью защиты бизнеса путем подачи заявления должника в предвидении банкротства и в то же время с неисполнением кризисными

предприятиями требования о своевременном объявлении банкротства, когда к этому имеются прямые основания³⁸. Данная ситуация совершенно нехарактерна для развитых стран, в которых, в частности, предусмотрены самые строгие санкции за промедление регистрации банкротства [2].

В заключение отметим, что проблема оптимального соотношения ликвидационных и реабилитационных механизмов банкротства не получила однозначного решения ни в литературе, ни в международной практике³⁹. В частности, существуют различные национальные модели несостоятельности: от радикально прокредиторских с преобладающей ликвидационной направленностью до радикально продолжниковых, максимально соответствующих цели сохранения бизнеса [2]. В среднесрочном периоде характер данного соотношения, по-видимому, во многом определяется экономической конъюнктурой, тогда как в долгосрочном – общим уровнем экономического развития⁴⁰.

В условиях острой политической и экономической ситуации в стране крайне важным является своевременное и справедливое разрешение хозяйственных споров с неплатежеспособными предприятиями. Ключевым элементом антикризисного регулирования при этом выступает законодательство о банкротстве, реализация которого должна способствовать предупреждению случаев несостоятельности, оздоровлению всей системы финансовых взаимоотношений между предпринимателями, а в случае признания должника банкротом – сведению к минимуму отрицательных последствий банкротства для обеих сторон предприятия должника и кредиторов, осуществлению всех необходимых процедур в цивилизованной форме.

³³ В ходе административной реформы 2004 г. Федеральная служба по финансовому оздоровлению и банкротству, деятельность которой вызвала весьма неоднозначные оценки, была расформирована (п. 12 Указа Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»).

³⁴ Пункт 4 ст. 24 Федерального закона РФ от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

³⁵ Цыганков С.Л. Неотвратимость наказания и судебная практика применения норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере банкротства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 29–36.

³⁶ Полисюк Г.Б., Чистопашина С.С. Мошенничество при банкротстве: выявление, административная и уголовная ответственность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 24. С. 42–45; Согрина Н.С. Теоретическая модель противодействия недружественным поглощениям (рейдерству) в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 17. С. 66–74; Кальварский Г.В., Львова Н.А. Финансовая диагностика преднамеренного банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 4. С. 50–59.

³⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 19.12.2005 № 161-ФЗ.

³⁸ Кован С.Е. Проблемы развития реабилитационного потенциала института банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2014. № 2. С. 64–75; Кован С.Е., Коцюба Н.В., Ряховская А.Н. Системные проблемы банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2014. № 4. С. 56–63.

³⁹ Согрина Н.С. Теоретическая модель противодействия недружественным поглощениям (рейдерству) в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 17. С. 66–74.

⁴⁰ Егоров В.Н., Чернова М.В. Концепция антикризисного управления промышленным предприятием в процедурах банкротства // Финансы и кредит. 2013. № 24. С. 58–67.

Список литературы

1. *Радыгин А.* Российский рынок слияний и поглощений: этапы, особенности, перспективы // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 23–45.
2. *Гонтмахер А.Е., Кузык М.Г., Межераупс И.В. и др.* Институт банкротства: становление, проблемы, направления реформирования. М.: ИЭПП, 2005. 432 с.
3. *Апелалова Е., Радыгин А.Д.* Банкротства в двухтысячные годы: от инструмента рейдеров к политике «двойного стандарта» // Экономическая политика. 2009. № 4. С. 91–124.
4. *Львова Н.А.* Преднамеренное банкротство: экономическое содержание и финансовый механизм // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. 2006. № 3. С. 90–100.
5. *Зинковский М.А.* Преднамеренное банкротство в условиях национального экономического кризиса // Современное право. 2015. № 5. С. 137–140.
6. *Яни П.С.* Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства // Законность. 2014. № 1. С. 38–42.
7. *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 4. С. 36–44.

BANKRUPTCY AS A CHALLENGE FOR ECONOMIC SECURITY OF RUSSIAN COMPANIES

Nadezhda A. L'VOVA^{a,*}, Georgii V. KAL'VARSKII^b

^a Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
n.lvova@spbu.ru

^b Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
kalvasky@spbu.ru

* Corresponding author

Article history:

Received 7 October 2015
Accepted 22 October 2015

JEL classification: G33, H12,
K20, K42

Keywords: bankruptcy,
insolvency, corporate bankruptcy,
criminal bankruptcy, economic
security

Abstract

Importance The article focuses on the specifics of corporate bankruptcy in terms of economic security of business.

Objectives The research critically revises the evolution of the Russian insolvency institution and its factors in terms of economic security, threats of criminal bankruptcy schemes employed for illegal property takeovers.

Methods The methodology relies upon the principle of priority of institutional changes in socio-economic development. Hence, the institutional environment is regarded as a key factor of development and specifics of the Russian insolvency institution.

Results Evolutionary steps of the Russian insolvency institution are presented through two aspects, i.e. legislation and law enforcement. Throughout the period of contemporary history, the national insolvency institution has been proved to ineffectively operate and perform irrelevant functions. We demonstrate an ambiguous role of the State as it supports an ineffective development course of the insolvency institution.

Conclusions and Relevance Ineffective operations of the insolvency institution poses a serious threat to economic security of the Russian business, violating interests of good faith market actors and requiring immediate remedies. It is necessary to further develop the bankruptcy legislation in line with the current situation and advanced global practices, improve anti-criminal bankruptcy practices, and methodological framework of court-appointed administration.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

References

1. Radygin A. Rossiiskii rynek sliyaniy i pogloshcheniy: etapy, osobennosti, perspektivy [Russia's market of Mergers and Acquisitions: stages, features and prospects]. *Voprosy Ekonomiki*, 2009, no. 10, pp. 23–45.
2. Gontmakher A.E., Kuzyk M.G., Mezheraups I.V. et al. *Institut bankrotstva: stanovlenie, problemy, napravleniya reformirovaniya* [The Institution of Bankruptcy: Its Rise, Challenges and Reform Avenues]. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2005, 432 p.
3. Apevalova E., Radygin A.D. Bankrotstva v dvukhtysvachnye gody: ot instrumenta reiderov k politike “dvoynogo standart” [Bankruptcies in the 2000s: from a raider tool towards the double standard policy]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2009, no. 4, pp. 91–124.
4. L'vova N.A. Prednamerennoe bankrotstvo: ekonomicheskoe sodержanie i finansovyi mekhanizm [Intentional bankruptcy: economic content and financial mechanism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Seriya 5 Ekonomika = Vestnik of St. Petersburg University. Series 5: Economics*, 2006, no. 3, pp. 90–100.
5. Zinkovskii M.A. Prednamerennoe bankrotstvo v usloviyakh natsional'nogo ekonomicheskogo krizisa [Intentional bankruptcy during the national economic crisis]. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2015, no. 5, pp. 137–140.
6. Yani P.S. Problemy kvalifikatsii prestupleniy v sfere bankrotstva [Issues of qualifying crimes relating to bankruptcy]. *Zakonnost' = Legitimacy*, 2014, no. 1, pp. 38–42.
7. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika Rossii v otnoshenii prestupleniy v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti (analiz na osnove izmenenii ugolovnogo zakonodatel'stva) [Russian criminal policy regarding economic crimes (analysis based on amendments to criminal legislation)]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2010, no. 4, pp. 36–44.